

Л. Е. Бляхер

АРХАИЧЕСКИЕ МЕХАНИЗМЫ ЛЕГИТИМАЦИИ ВЛАСТИ В РОССИИ, ИЛИ ОЧЕРКИ ОБ ИСТОКАХ НОСТАЛЬГИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ

Предварительные замечания

¹ Дебаты 2007.

Одной из наиболее ярких особенностей России начала XXI столетия является мощнейшее «ностальгическое» настроение, охватившее подавляющее большинство сфер и областей социальной жизни¹ — от стилистики политических шоу, «старых песен о главном», «дискотеки 80-х» и взлета популярности радио «Ретро» до разговоров бабушек на скамейке перед домом. Но если последнее более или менее понятно и не требует дополнительных объяснений, то с политической ностальгией имеет смысл разобраться подробнее. Я оставляю в стороне популярный ныне довод о «психологических» корнях «ностальгии по 70—80-м годам». Они, бесспорно, имеются. После трудного периода 1990-х годов, когда подавляющей части населения страны пришлось резко и радикально поменять стратегии поведения, значительная, а главное, социально важная группа сорока-пятидесятилетних пытается «выстроить себя», протягивая «ниточки из прошлого». Однако тот факт, что матрицей для такого выстраивания оказывается не вполне успешное настоящее, а прошлое, заслуживает иного, не психологического рассмотрения — особенно когда эта «матрица» становится основой политики и идеологии страны, претендующей на статус нового центра силы.

Почему вдруг страна, в 1990-е годы совершившая невероятный, сравнимый, быть может, только с петровскими временами рывок на Запад, вернулась в «сладкие объятия» прошедшей и отринутой эпохи? Какие неявные механизмы функционирования российской политики здесь проявились? Поиску ответов на эти вопросы и посвящена настоящая статья. Но прежде чем переходить к решению центральных задач работы, представляется целесообразным обозначить методологическую позицию и смысловой контекст, в рамках которого будут анализироваться поставленные в ней проблемы.

Констатация двойственного (западно-восточного, духовно-мирского или какого-то иного) положения России стала уже триумфом². Не ставя под сомнение и не развивая это положение, хочу обратить внимание на одно методологическое следствие из него. Двойственная реальность не поддается фиксации с помощью *одного* исследовательского инструмента. Используемые в современной политологии и политической философии методы позволяют раскрыть лишь какую-то часть этой реальности. Стремление охватить целое чаще всего приводит к

² См. Ахиезер 1991; Пастухов 1994; Пивоваров 2002 и др.

полной методологической эклектике, подаваемой как «знание жизни» или актуализация «истинных ценностей».

Если существующие методы совсем не адекватны исследуемой реальности, как, скажем, при анализе ситуации в Иране или Туркменистане, их можно просто отбросить, заменив на этнологические или какие-нибудь еще. При изучении казусов, ближе стоящих к теоретически мыслимому инварианту, этими методами можно пользоваться, рассматривая каждый случай как модус общей модели. Однако в России ни первый, ни второй вариант не срабатывает³.

³ Не исключено, что аналогичным образом дело обстоит в Японии и Индии, но этот вопрос требует специального изучения.

В первом случае аномалией оказывается наличие относительно развитой индустрии, а также мощных «западнических» традиций в политике, культуре и праве, вплоть до христианства как краеугольного камня не только русской, но и общеевропейской цивилизации. В результате история России от Владимира Святого до Петра и Ленина начинает восприниматься как череда тотальных ошибок, и ностальгия направляется уже не на «добрые, старые 70-е», а на легендарную эпоху дохристианской Руси.

Во втором за пределами анализа остается «почва» русской культуры, ее «чтойность», и исследование превращается в бесконечную констатацию «отсутствия» при невозможности зафиксировать «наличие». Мы легко обнаруживаем, чего в России нет, будучи не в состоянии ответить на вопрос: а что же в ней есть? Проблема заключается еще и в том, что методологический аппарат политологии и философии в принципе плохо приспособлен для фиксации «своеобразностей». Здесь приходится опираться на ту самую этнологию⁴ или использовать «экзотические» для европейского обществоведения концепции. Возможно, именно с этим и связан взлет интереса к неoinституционализму, в частности к модели Олсона-Макгира⁵. Вместе с тем внедрение подобных моделей производит впечатление эклектики, отсутствия четко установленного предмета исследования. «Чтойность» остается в непоименованном.

⁴ Ковалев, Штейнберг 1999.

⁵ Олсон 1995.

Думается, что анализ движения «ностальджи» в российской политике позволяет если не дать ответ на вопрос о «чтойности» российской политики, то хотя бы приблизиться к нему. Эмпирическим объектом, на который будут направлены мои размышления, является *ход последних думских и президентских выборов в России*. Отправной же их точкой станет представление о «многослойности» российской реальности⁶, каждый из слоев которой способен в определенных условиях репрезентировать целое, скрывая от взгляда наблюдателя остальные слои.

⁶ Бляхер 2003.

Многое в представленных ниже рассуждениях инициировано концепцией Русской Системы Ю.Пивоварова и А.Фурсова⁷. Правда, если А.Фурсова и Ю.Пивоварова занимал в основном генезис и формы саморазвертывания Русской Системы, то меня в первую очередь интересует то, что получается «на выходе» из нее. Существенное влияние на эти рассуждения, особенно в методологической части, оказали идеи, изложенные в книге С.Каспэ, посвященной исследованию

⁷ Пивоваров, Фурсов 2001; Пивоваров 2002.

⁸ Каспэ 2007. макросоциальных центров⁸. Собственно говоря, из принципа организации и субстанциональных характеристик Центра я и попытаюсь «вывести» специфику политического пространства России. Ведь если в Европе светская и духовная сферы, взаимодействуя друг с другом, «оставляли» сам Центр в трансценденции, то в России обе они оказывались слиты и персонифицированы в фигуре Правителя⁹, который, будучи наделен высшей мирской властью и одновременно сакрально-религиозным статусом, выступал главным посредником между посюсторонней реальностью и трансцендентальной областью. Наличие такого монолитного Центра и структурировало политическое пространство, задавая смысловой контекст политического поведения.

⁹ Успенский 2002.

В отличие от работы С.Каспэ, где описывались прежде всего структурные свойства «Империи Запада», в настоящей статье делается упор именно на российское политическое пространство. Но поскольку особенности этого пространства могут быть обнаружены только в сравнении, я начну свое исследование с краткого анализа процессов, развертывавшихся в Европе и в странах так называемой мировой периферии.

**Казус Европы:
экономика
как статусно
нагруженная
сфера**

Общей чертой эпохи, известной как Новое время, стало углубленное разделение труда, которое, возникнув в промышленности (мануфактура), постепенно охватило все сферы общественного бытия, породив относительно автономные социальные локалы — экономику, политику, культуру и т.д.¹⁰ — то есть, казалось бы, ту же многослойность. Однако многослойность на самом деле была весьма относительной. Система статусов, представление о целостности Божьего мира и многое другое, унаследованное от средневековья, продолжали скреплять социальную ткань. Главной же скрепой, создававшей небывалое единство, правда, уже не в пределах Божьего мира, а на ограниченной территории, выступала нивелировавшая все различия сила государства и государственной бюрократии. Смысл этого единения, как убедительно показал С. Каспэ, заключался в возможности поставить под контроль проходившие по территории ресурсные потоки. «Забрезжившая перспектива утоления объективного ресурсного голода стала мощным субъективным мотивом для постановки принципиально новых целей и использования новых методов их достижения». И поскольку «в условиях феодальной системы с ее переплетением личных зависимостей и господством нормы «вассал моего вассала не мой вассал»» ресурсные потоки «распределялись между слишком большим числом получателей и потому быстро истончались», идея «монополизации доступа к этим потокам... была... естественна и вряд ли могла не возникнуть»¹¹.

¹⁰ Фуко 1999.

¹¹ Каспэ 2007:
132—133.

Важно подчеркнуть, что такого рода монополизация была призвана обеспечить сохранение традиционной статусно-иерархической структуры. Ведь и католический король Испании, и христианнейший король Франции, да и (первоначально) английский монарх ни на какую

иную легитимность, кроме имперской и церковной, не претендовали. Будучи держателями локальной, а потому ограниченной, «технической» власти, они должны были заботиться о духовном благополучии подданных и, следовательно, располагать необходимым для этого ресурсом. Иначе говоря, большая часть радикальных, революционных изменений, произошедших в XVI и «длинном XVII» вв., была связана с желанием сохранить в неизменном виде общество и мир его сакральных представлений.

Не вдаваясь в перипетии становления территориального государства эпохи Модерна, остановлюсь лишь одной из возникавших в ходе данного процесса проблем. Для утверждения территориального государства в качестве локального «центра силы» и организующего начала требуется не только силовой ресурс, но и наличие в обществе материального ресурса, который можно изъять без фатальных для этого общества последствий. Соответственно, необходимы люди, которые бы создавали добавочный ресурс, а также люди, способные контролировать его изъятие и организовывать само однородное государственное пространство. Другими словами, нужны предприниматели и бюрократия. Однако в структуре феодальной монархии как локального центра субимперского уровня ни первых, ни вторых не было. Королевские «управляющие» в округах (графы, сенешали, бальи, шерифы и др.) по самой сути своего правления не были пригодны для единообразного осуществления государственного правосудия, поскольку ориентировались на «высшую» справедливость и «Божий», а не королевский суд. Главное же, через контроль над округом они оказывались в известном смысле «равными» королю, получали доступ к тем самым ресурсным потокам, которые следовало монополизировать. Кроме того, ресурсные потоки, идущие от крестьян, были слишком неопределенными, чтобы на их основе можно было строить хозяйственный расчет¹². Особенно остро проблема добавочного продукта, а также инструмента его изъятия и поддержания «порядка» встала в XVII столетии, когда хозяйственный подъем, длившийся более двух веков, сменился тяжелейшим кризисом.

Но если таких предпринимателей и администраторов не было в системе феодальной монархии, это не означает, что их не существовало в принципе. В городских центрах, особенно южных, в избытке имелось и то, и другое. Не были ими обделены и королевские города — Лион, Бордо, Неаполь и т.д. «...Территориальные государства, присоединявшие к себе все, что попадет под руку, оказывались неспособными самостоятельно использовать приобретенные ими богатейшие экономические ресурсы, — констатирует Ф.Бродель. — Это бессилие оставляло лазейку для городов и купцов»¹³. Указанная лазейка открывалась еще и потому, что и предприниматели, и представители городской бюрократии, перешедшей на службу государству, были людьми «не благородными», то есть по определению не выступали альтернативными «силовыми предпринимателями»¹⁴ и конкурентами государства. Ведь даже подеста итальянских городских республик был наемным слугой, а не

¹² Например, в Южной Франции, по подсчетам Ф.Броделя, на один урожайный год приходилось три неурожайных (Бродель 2002: 273).

¹³ Бродель 2002: 469.

¹⁴ Волков 2005: 19.

властителем, не говоря уже о должностных лицах королевских городов и, тем более, купцах или промышленниках. Описывая французских (королевских) купцов, венецианский посланник XVI в. М.Суриано отмечал: «Никакими преимуществами и достоинством они не пользуются, потому что всякая торговая деятельность считается предосудительной для дворянства»¹⁵. Подобных людей и привлекало государство. Они не правили, но исполняли.

¹⁵ Цит. по: Волгин 1950: 156.

Становление экономики как ведущей сферы общественного бытия происходило довольно медленно — и по «театральному принципу» («те же и Софья»). Постепенно из нужной, но второстепенной отрасли, из проворной служанки экономика превратилась в величавую госпожу, подмяв под себя все другие социальные сферы, обесмыслив прежде значимые деяния и стратегии поведения. Изменения XIII—XVI вв. привели к появлению в период «длинного XVII в.» еще одной шкалы социальной мобильности, связанной не с церковной или придворной карьерой (власть от Бога и власть по рождению), но с деньгами, промышленностью и торговлей, а также с местом в государственной бюрократической структуре. Ее возникновение и дало возможность государству и государю утвердиться в качестве «императора в своем королевстве», преодолеть кризис. Наиболее выраженные формы этот процесс принял в северных странах — Англии, Нидерландах, Франции.

Впрочем, Юг, родина сильных торговых городов-государств, тоже не миновал кризиса. К судьбе этих городов — Венеции, Генуи, Флоренции — стоит приглядеться особенно внимательно. Именно там происходят важнейшие статусные изменения, ставшие образцом для всей европейской Ойкумены, задается «матрица» изменений статусной мобильности. Сама хозяйственная деятельность, прежде обладавшая лишь функциональной нагрузкой, наделяется здесь значимым и ценностно окрашенным социальным статусом. Богатство «новых итальянцев» инвестируется в статус (патриции). По свидетельству мыслителя XVI в. Себастьяна Франка, «в могущественных и свободных городах» население делится на две категории: «простые горожане и родовитые, стремящиеся быть в некотором роде знатью и живущие на дворянский манер со своих рент и чиншей»¹⁶. Патрициат постепенно получает доступ к «настоящим» дворянским титулам. Аристократия крови и аристократия денег сближаются. Экономическая деятельность, ранее выполнявшая сугубо техническую функцию, обретает (правда, не совсем «чистый») статус. При этом возникает новая хозяйственная «подпитка» традиционной социальной структуры. Более того, заработанные в ходе торгово-промышленных операций средства в ряде случаев вкладываются не в новый хозяйственный цикл, а в гораздо менее доходные земельные ренты, вливаясь в традиционные формы хозяйствования. Таким образом, богатство, хотя пока и не вполне явно, оказывается социальным лифтом, способным качественно изменить статус его обладателя.

¹⁶ Там же: 90.

Несмотря на уникальность итальянского опыта, определенное взаимопроникновение аристократии крови и денег мы можем обнаружить,

пусть в меньшем масштабе, и во Франции, Испании, Англии. Знаменитые английские огораживания и французские откупа тоже были формой такого взаимопроникновения. Однако между Севером и Югом имелось и принципиальное отличие. Население южных городов не создавало новых статусов и не стремилось присвоить статусную структуру дворянства. Воспроизводилась традиционная цеховая структура с присутствием ей набором статусов. Если же городской патрициат оказывался достаточно сильным, он «вливался» в дворянство. То есть, само по себе богатство еще не являлось источником статуса, но лишь позволяло его приобрести.

На Севере дело обстояло сложнее. Новый предприниматель, связанный с «мировыми» рынками, был сильнее цеха, но не дотягивал до уровня венецианского или даже гамбургского патриция, способного влиться в дворянство. Не менее важным было и то, что его деятельность в минимальной степени регулировалась местным сообществом. Он не занимал в нем какой-либо статусной позиции и не стремился его возглавить. Он ломал или игнорировал его, ориентируясь на иные территориально-хозяйственные объединения и связи. В результате он не мог приобщиться ни к одной из существовавших в тот период статусных шкал, повисая в безвоздушном пространстве и тем самым лишаясь «социальной видимости», жизненного мира, возможности повседневной коммуникации. Его коммуникация ограничивалась сугубо профессиональной, то есть технической. Он оказывался Робинзоном Крузо, даже не попадая на необитаемый остров. Но именно это его положение создавало в конечном итоге ресурс, позволявший обществу воспроизводить себя. Мануфактура и международная торговля становились средством не только личного обогащения, но и *выживания* общества. Богатея, новый предприниматель обеспечивал «работу тысячам»¹⁷, в то время как все остальные формы хозяйствования в лучшем случае поддерживали существование самих работников.

¹⁷ Там же: 203.

Но, являясь совершенно необходимыми для общества, новые предприниматели попадали в *коммуникативную ловушку*. Профессиональная коммуникация и коммуникация социальная существовали для них в непересекающихся пространствах. Не случайно в документах той эпохи купцы, промышленники чаще всего представляли странными либо даже враждебными «добрым людям» персонажами¹⁸. В ходе профессиональной коммуникации они обретали средства к существованию и давали их другим. Для обретения статуса, видимости и понятности для других требовалась социальная коммуникация. Однако поскольку новые слои тратили все свои силы на хозяйственную деятельность, на социальные контакты их просто не оставалось. Чтобы преодолеть собственную бесстатусность, предприниматель должен был... прекратить предпринимательскую деятельность или, по крайней мере, резко ее ограничить. В период появившегося досуга он мог, используя финансовый ресурс, вписаться в одну из имеющихся иерархий. Но этот путь был доступен для меньшинства. Ведь прекратив деятельность,

¹⁸ Волгин 1950.

предприниматель лишался этого ресурса, одновременно лишая ресурса (налогов) и общество.

Невозможность без потерь остановить производственный цикл и без его остановки вписать предпринимателей в существующую статусную иерархию постепенно превратилась в одну из серьезнейших проблем, стоявших перед «северными обществами». Слишком большая часть данных обществ была задействована в процессе жизнеобеспечения, чтобы эти люди пребывали в положении социальных невидимок, маргиналов. Слишком много времени им приходилось посвящать хозяйственной деятельности, чтобы они могли «вписаться» в какую-то иную систему отношений, кроме производственных. Соответственно, необходимо было ценностно и статусно нагрузить то, что прежде было нагружено лишь функционально. Выходом стала описанная выше «матрица» конвертации богатства в статус. И хотя «северные» предприниматели, по уровню благосостояния заметно уступавшие «южным», редко могли напрямую приобретать статус, наличие такой «матрицы» статусно окрашивало богатство. Присваивая себе «отраженный свет» традиционных статусов, богатство постепенно вызывает к жизни новую иерархию — имущественную. Иными словами, оно формирует самостоятельную статусную шкалу, причем максимально простую и безличную, а потому в наибольшей мере отвечающую обезличивающей природе территориального государства.

Таким образом, параллельно с промышленной и научной революцией происходит революция статусов. Появляется система статусов, производных от хозяйственной деятельности (с доходом и потреблением в качестве критериев), и ее религиозное оправдание (протестантизм). Конечно, связь протестантизма с капитализмом отнюдь не линейна, но сама возможность наделения социальным статусом имущества укоренена именно в нем. Нельзя забывать, разумеется, и о философских обоснованиях этой революции (Гоббс, Локк и др.). Однако подобные обоснования знаменуют собой не столько статусную революцию, сколько рефлексию над ее последствиями.

Несмотря на все существовавшие между ними качественные различия, статусы эпохи средневековья обладали единой ценностной шкалой, базировавшейся на идее Спасения, понимаемой одинаково во всех социальных группах¹⁹. Формирование новой шкалы дестабилизирует общественную структуру. Возникает множественность статусных позиций, общество распадается на сообщества (цеха, гильдии, союзы городов, купеческие компании, маноры и т.д.), Божий мир — на миры Джордано Бруно. Именно для согласования статусов и понадобились и «общественный договор», и Левиафан. Божий мир нуждался в подпорке в лице Земного бога — государства. Превращение хозяйства в автономную сферу, то есть в экономику, сделало необходимым выделение в такую и политического.

Выделение политического в качестве автономной сферы, с одной стороны, стабилизировало общество, но, с другой, породило потребность

¹⁹ Гуревич 1972.

в некоей столь же автономной площадке, где могли бы вестись переговоры с Левиафаном. Ведь если Божий мир пребывал в гармонии и неизменности, то посюсторонний мир, начиная с эпохи Просвещения, постулировал свою изменчивость, *развитие*. Будущее осмыслялось в нем как некий идеал-проект, по отношению к которому настоящее — лишь переходящая ступень. Изменчивость реальности требовала изменемости и Левиафана, а соответственно, пространства, где такое изменение могло бы происходить. Этим пространством и становится публичная сфера. В условиях воспроизводящегося общества в ней, строго говоря, нет необходимости. При динамизме и постоянном изменении форм общественной жизни — она жизненно важна.

Другими словами, экономика возвращает для себя политику и единую шкалу статусных позиций, основанных на богатстве. Из экономики вырастает система статусов, легитимируемых уже не религиозно, но политически. Сама же политика легитимируется, по крайней мере в идеале, через публичность, делегирование.

**«Приручение»
мировой
экономики**

²⁰ Поланьи 2002.

Сложившаяся в Европе система хозяйствования, ориентированная на развитие и посюсторонность, оказалась наиболее эффективной. Причина очевидна: в гонке она участвовала в одиночку. Экономика как автономная сфера в иных обществах не выделилась²⁰. Несмотря на заинтересованность в торговле с Западом, Восток не создал ничего аналогичного европейскому производству и европейской политике. Его товары были в целом дороже, чем европейские, что позволяло ему просто покупать блага технологического развития, не меняя социальной структуры. Политика на Востоке тоже согласовывала интересы, но значительно более стабильные: интересы родовых и соседских хозяйственных объединений, которые выделяли из себя «политический класс» — или включали его в себя, если он отличался в этническом отношении. Наиболее яркие примеры того, как чужеродный политический класс (кочевники) «осваивался» местным (оседлым) населением, дает, пожалуй, Центральная Азия. Хозяйство там — способ обеспечить нужды социальной организации, которая, в свою очередь, «завязана» на родовую и/или соседскую общину (авлод, махалля, племя, клан и т.д.). Несколько иной тип организации можно обнаружить в Индии или Китае. Но архетипическим во всех этих случаях выступает то обстоятельство, что социальная реальность пребывает здесь в нерасчлененном единстве, фундированном этническим, территориальным, религиозным или этическим компонентом.

Заинтересованность Запада в восточных товарах и организации неэквивалентного обмена привела к усилению его натиска на страны Востока. С созданием колониальных империй и системы полуколоний этим странам «в нагрузку» была навязана экономика, как Канарским островам — сахарный тростник, а Кипру — виноградники²¹. Новая экономическая структура опиралась на подавляющую воинскую силу,

²¹ Бродель 2002.

основанную на технологическом превосходстве. Однако статусно она в рамках захваченных обществ не осмысливалась, так как противоречила всему их укладу.

В результате перед колониями, особенно обладавшими собственным культурным опытом и историей, встала задача приручить свалившуюся на них экономику. Способ такого приручения оказался очень простым: в *экономику* включились *элиты*. Они получали европейское образование, делали европейскую карьеру. Но в элиты их превращала *местная социальная структура*. Они же выполняли по отношению к ней предельно важную функцию: перекачивали ресурсы из мировой экономики в традиционное общество, подпитывая тем самым разрушенное хозяйство своих стран. Извлеченные из «экономики» средства инвестировались в бессмысленные с экономической (европейской) точки зрения сферы: традиционное земледелие и скотоводство, поддержание родоплеменной структуры и др. Мировая Империя Запада адаптировалась к местным условиям.

Именно эти приобщившиеся к европейской экономике элиты и стали основой антиколониального движения. До начала их политической активности массы были вполне индифферентны к колониальной «эксплуатации». Ведь это К.Маркс или европейский торговец знал, что бусы и зеркальца — ничтожные безделушки по сравнению с золотом и алмазами, а ружья или топоры в целом стоят много дешевле, чем меха или пряности. Абориген знал другое. За совершенно ненужные или не очень нужные кусочки металла или камня он приобретал жизненно важные предметы, позволявшие ему подняться статусно в *настоящей* жизни.

Пока колонизаторы обеспечивали необходимый для поддержания жизнедеятельности местной социальной структуры ресурс, их присутствию не вызывало ни чувства попранной справедливости, ни протеста. В противном случае (как это было, например, в Северной Америке) местная структура просто уничтожалась, уходила в субстрат новой структуры, отличной и от колонизаторской, и от колонизируемой. С появлением европеизированных элит ситуация изменилась. Вхождение в экономику дало им понимание истинной стоимости имевшихся в их распоряжении ресурсов: золота, леса, алмазов, пряностей, нефти и т.д. Соответственно, торговля с метрополией стала восприниматься ими как неэквивалентная. Возникшая депривация и вызвала к жизни представление о том, что владычество «белых» («длинноносых» или каких-то еще) не отвечает идеям справедливости (божьиим нормам, заветам предков). Отсюда стремление к освобождению от «колониального ига». И поскольку основная масса населения никакого особого недовольства сложившимся положением не проявляла, элиты это недовольство создали и направили. Они сравнили два социальных пространства и постулировали их несоотнесенность. Началась эпоха антиколониального движения.

Примечательно, однако, что, освободившись от власти метрополий, ни одно из бывших колониальных обществ не отказалось от

участия в мировой экономике. Даже те из бывших колоний, чьи ресурсы были крайне невелики, включились в международное разделение труда, мировую торговлю. Причин здесь несколько.

Колониальные власти существенно трансформировали местную хозяйственно-политическую систему, лишив ее автаркичности. Как уже говорилось, еще в колониальный период традиционное хозяйство стало испытывать потребность в «подпитке» извне. С распадом колониальных империй эта потребность не только не исчезла, но и возросла. Во-первых, при проведении новых политических границ в рамках одного государства зачастую оказывались враждующие племена, что повышало издержки на поддержание мира. Во-вторых, развитие здравоохранения и внедрение некоторых элементов гигиены привело к резкому усилению демографического давления. В новых демографических условиях для сохранения прежней (традиционной) социальной организации необходимы были принципиально большие средства. В сходной ситуации Европа и «придумала» экономику.

Вместе с тем ситуация, в которой оказалась мировая периферия, качественно отличалась от той, что сложилась в Европе XVI в. Дело происходило четыре столетия спустя, когда экономика с адекватной ей политикой была уже «придумана». Более того, несмотря на глобальное противостояние «капитализма» и «социализма», обе конкурировавшие в XX в. модели общественного устройства определяли себя в рамках западной культуры. Крах колониальной системы, возникновение и расцвет (не говоря уже о распаде) «социалистического лагеря» не отменили ни мировой Империи Запада, ни мировой экономики. Для второй «мировой экономики» места в мире не оставалось, а значит, нужно было использовать имеющуюся, эксплуатировать наличные ресурсы глобальных экономико-политических сетей. Но для этого семантически и ценностно нагруженное традиционное статусное общество должно было стать государством среди государств с набором обязательных для него элементов и, желательно, демократической атрибутикой (выборы, президент, парламент и т.д.). И многие бывшие колонии и полуколонии мимикрируют под *демократии*.

²² Меркель, Круассан 2002.

При всей своей очевидной имитационности²² подобные «демократии» играют важнейшую роль в поддержании жизнеспособности традиционных обществ. Именно через такие государства-имитации и их имитации-институты в эти общества перетекают ресурсы мировой экономики. Формы «перекачивания» ресурсов варьируют от «взаимовыгодных» до предельно неэквивалентных. «Взаимовыгодный» характер носит, в частности, экспорт природных ресурсов: энергоносителей, драгоценных камней, металлов и т.д. Здесь повторяется ситуация с железными топорами и ружьями, за которые отдавались меха, пряности, алмазы или рабы. Крайне ценное для европейцев сырье «обменивается» на ресурс, позволяющий традиционному обществу воспроизводить себя. Нечто похожее происходит и при эксплуатации местных трудовых ресурсов. Возникает своеобразная эквивалентность — мировая

экономика расширяет сферу своего охвата, мировая политика получает еще одну страну «победившей демократии» или вставшую на путь демократизации, а местное сообщество обретает дополнительные средства к существованию, зачастую требующие гораздо меньших трудозатрат, чем традиционные формы хозяйствования. К менее «равноправным» относится строительство военных баз на территории некогда подвластных государств, причем, вопреки сложившемуся стереотипу, в «ущемленном» положении в данном случае оказываются отнюдь не бывшие колонии, а западные державы, которые практически ни за что платят дань местному владыке (царю, вождю, президенту). И уж совсем неэквивалентными выступают разнообразные займы, гуманитарная помощь и т.д.

Описанная ситуация особенно интересна тем, что участники взаимодействия воспринимают его совершенно по-разному. И дело тут не только в объективной неоднозначности разворачивающихся процессов, которые могут трактоваться и как результат работы глобальных экономических, политических, информационных сетей, и как приручение мировой экономики местным сообществом, использование ее в местных интересах. Дело в том, что для включения в международное разделение труда, мировую торговлю и т.п. традиционная социальная структура, продолжающая пребывать в нерасчлененном единстве мифа-экономики-политики-повседневности, «переводится» местной элитой на язык глобальной «Империи Запада». В этом-то «переводе» и появляются демократия, авторитаризм, диктатура, по отношению к которым выстраивается политика мирового Центра. Характер этой политики во многом зависит от важности ресурса, которым обладает соответствующая страна, и ее геостратегического положения. Носителю особо ценного ресурса могут простить и «неправильный политический курс». То, что неправильность данного курса есть следствие неаккуратности «перевода» с настоящего на «симулякрный», не рефлексивируется. Реальные противоречия возникают лишь в двух случаях, на которых имеет смысл остановиться особо.

Один из таких случаев связан с ситуацией, когда источник поддержания традиционного сообщества оказывается нелегитимным в глазах мирового Центра. Пожалуй, наиболее яркий пример — производство и экспорт наркотиков. По отношению к наркотикам возможны два варианта нарушения эквивалентности. Во-первых, в рамках ряда культур потребление психоделиков определенного типа признается вполне нормальным. Те же листья коки для индейцев Латинской Америки или опиаты для пуштунов столь же естественны, как алкоголь для европейцев. Объяснить представителю данной культуры, почему экспортировать их нехорошо и чем это отличается от экспорта, скажем, хлопка, довольно сложно. Теоретически он может с этим согласиться, но в качестве «проблемы» не осознает, воспринимая подобный запрет как своего рода эмбарго. Во-вторых, настоящей реальностью для жителей мировой периферии выступает местное сообщество (племя, род, соседская

община и т.д.). Соответственно, «внешние» ресурсы, которые перекачиваются в него, не имеют ценностной нагрузки: их главная и единственная функция — поддерживать существование области, кишлака, семьи. Весьма показательна в этом плане «борьба с наркотрафиком» в Таджикистане, которая ведется по совершенно четкой схеме. Таможенники и пограничники задерживают ровно столько «наркокурьеров», сколько требуется, чтобы не лишиться должности (она — тоже ресурс общины). Основная же масса «наркокурьеров» беспрепятственно пересекает границу, обеспечивая выживание разваленного за почти столетие иноземного владычества и десятилетие гражданской войны хозяйства. Сходная схема просматривается и в «торговле людьми».

Другой случай — когда глобальному проекту Запада противостоит столь же глобальный альтернативный проект. На сегодняшний день единственным артикулированным альтернативным проектом является Всемирный Халифат²³. Примечательно, что наибольшей поддержкой он пользуется в странах, по тем или иным причинам «выпавших» из мировой торговли ресурсами, а значит, не получающих подпитки извне (Афганистан, лишенный нефтяного Эльдorado, Иран, истощивший ресурсы в многолетней войне с Ираком, и т.д.). В связи с отсутствием такой подпитки, необходимой для поддержания традиционного общества, весь жизненный мир населения этих стран оказывается под угрозой, что и вызывает бурную ответную реакцию. И здесь совершенно не случайна риторика «крестовых походов», отчетливо звучащая, в частности, в речах Дж.Буша-младшего. Подобный конфликт интерпретаций нельзя снять посредством перевода на язык мирового Центра, поскольку конфликтующие стороны почти не соотносимы между собой. В рамках проекта Всемирного Халифата государствам и надгосударственным образованиям Запада противостоят сетевые структуры, завязанные на традиционные общинные отношения и не имеющие жесткого центра, а потому неуязвимые для силовых акций.

Таким образом, не только мировой Центр эксплуатирует мировую периферию, но и наоборот. Локальные сообщества «приспосабливают» мировую экономику к себе, ставя ее на службу собственным интересам. Соответственно, политическое устройство этих локалов весьма сильно отличается от политического устройства мирового Центра.

По мнению М.Ильина, специфика политического устройства стран мировой периферии заключается в «двойственности» складывающихся в них политических структур, что, в свою очередь, является залогом постепенной трансформации традиционных обществ в демократические, а их государственного устройства — в современное государство²⁴. Это, бесспорно, так, если речь идет о монархе, объявившем себя не монархом, а президентом, а своих советников — парламентом. Но совсем иной трактовки заслуживает ситуация, когда роли монарха и президента расходятся ситуативно. А именно эту ситуацию мы и наблюдаем в реальности. Правитель (носитель высшей власти) принимает обличье президента при взаимодействии с мировой экономикой и

²³ *Вполне возможен также проект Великого Китая, однако пока он существует только в потенции.*

²⁴ *Ильин 1993.*

мировой политикой, оставаясь монархом для своих подданных. При этом, пока мировая экономика выполняет свои функции по отношению к местному сообществу, а то не взрывается по каким-то собственным, внутренним причинам, эквивиальность сохраняется (и стабильность инвестиций тоже). То есть, возникает не «двойственная» политическая система, а система, состоящая из «социального ядра», определяющего суть данного общества, его самосознание и ценностную шкалу, и «защитного слоя», рассчитанного на взаимодействие с внешним окружением, прежде всего с мировым Центром.

В отличие от «ядра», пребывающего в относительно стабильном состоянии и обладающего мощными механизмами религиозной или культурно-мифологической регуляции, «защитный слой» весьма динамичен, так как в противном случае он не смог бы взаимодействовать с динамичной внешней средой, обеспечивая ресурсы для жизнедеятельности общества. Этот «слой» вполне может включать в себя использование высоких технологий, активную коммуникацию со всем миром и многое другое. Важно то, что носители «прогрессивных тенденций» (ученые, инженеры, военные, дипломаты и т.д.) точно так же укоренены в местном сообществе, как и любые другие его члены. Именно оно выступает основой их самоидентификации, и именно его интересы они представляют и отстаивают.

Принимая на себя внешние импульсы, «защитный слой» поддерживает стабильность «ядра», ограждая его от потрясений. В обществе, где хозяйство, принадлежность к локальной общине и власть неразделимы, взаимодействие внешних акторов непосредственно с «ядром» чревато катастрофой, поскольку неизбежно изменяет расстановку сил, приводит к власти новые группы, представляющие другие территориальные или родовые объединения. Оттесненные от власти традиционные лидеры вступают в вооруженную борьбу, которая может длиться десятилетиями, ведь на кону стоят не амбиции, а честь всего объединения, и столь же внезапно (для внешнего наблюдателя) завершиться, когда «ядро» обретет новую «точку равновесия».

Другими словами, ответом на наступление мировой экономики и мировой политики стала не столько демократизация, сколько возникновение двухслойной структуры («ядро» — «защитный слой»), позволяющей поставить ресурсы глобальных экономических сетей на службу традиционному обществу. Но даже на этом фоне казус России выглядит весьма своеобразно.

**Власть
как социальная
онтология**

²⁵ Волков 2005.

На протяжении большей части отечественной истории главной проблемой России была проблема власти. В.Волков настаивает на тесной семантической связи между словами «дано», «дань» и «подданный» — в том смысле, что «дан» (существует) лишь тот, кто находится «под данью», является подданным²⁵. Иначе говоря, пространством, где человек наделялся статусом, выступало пространство власти. Власть,

соотносимая с высшей ценностью, задавала основания аксиологической шкалы, структурировала общество, обеспечивала его «нерасчленимое единство».

Чтобы подобная структура могла сформироваться, нужен ряд условий. Первое из них — острая потребность в единстве при невозможности «естественного» объединения. Возникновение такой потребности обычно связано с необходимостью совместных усилий для защиты от внешнего врага, в равной степени угрожающего всем потенциальным участникам объединения²⁶ (Австрийская империя), или для контроля над торговыми путями (империя Тамерлана). При этом сама территория должна быть достаточно гетерогенной, чтобы противиться «естественному» слиянию, и не иметь явного гегемона, способного это слияние осуществить. В этой ситуации власть выступает интегрирующим каркасом, без которого общество просто рассыпается.

²⁶ *Перефразируя М.Олсона (см. Олсон 1995), такого врага можно назвать «стационарным агрессором».*

Второе условие — наличие внешнего ресурса, значительно превосходящего местные, который власть может распределять, тем самым наделяя статусом подданного, чья способность осуществлять дальнейшее распределение зависит от объема распределенного в его пользу ресурса. Опираясь на этот ресурс (силовой, символический или хозяйственный), власть подавляет нежелательную активность низовых социальных групп и гармонизирует социальные отношения в подходящей для себя форме.

Наконец, третье условие — дистанцированность власти. Чтобы легитимировать общество, власть должна быть сакральной («выведенной из зоны фамиллярного контакта», говоря словами М.Бахтина²⁷). Легитимация власти из трансценденции задает смысловой контекст существования общества, напрямую связывая причастность к высшей ценности с причастностью к власти. Опирающаяся на «трансценденцию» власть не нуждается в признании со стороны общества (все претензии — к «источнику легитимности»), ее основания и принципы не могут быть предметом переговоров. Это не тема для обсуждения, а контекст, позволяющий договориться о чем-либо, «объективные условия», в рамках которых должен жить и действовать социальный субъект. Это — социальная онтология.

²⁷ *Бахтин 1975.*

В случае России потребность в объединении была обусловлена постоянной угрозой со стороны «стационарного агрессора» — кочевников²⁸. Имелся и необходимый внешний ресурс — путь «из варяг в греки» и торговые пошлины. С его помощью княжеская власть победила лидеров общины (волхвов), лишив их через принятие христианства и идеологической власти. После монгольского завоевания и установления системы, при которой ярлык на великое княжение мог быть получен только из рук золотоордынских ханов, возникла и дистанцированность власти.

²⁸ *Андерсон 2007.*

Как показывает Ю.Пивоваров²⁹, именно в монгольский период власть превратилась в действительно абсолютную. Наличие внешнего источника легитимности и подавляющего силового ресурса (в виде монгольских боевых отрядов) позволило ей стать сильнее общества.

²⁹ *Пивоваров 2002.*

Свержение монгольских ханов не повлекло за собой принципиальных изменений в модели взаимодействия власти и общества. В рамках концепции «Москва — третий Рим» сложился еще более дистанцированный механизм легитимации власти: власть от Бога. Изменился лишь характер распределяемого ресурса. Из силового он стал хозяйственным, торговым и символическим. Россия начала «прирастать Сибирью», Дальним Востоком, южнорусскими степями, а с ними — уникальной пушниной и «рыбьим зубом», земельными угодьями и рудами. Механизм и цель такого «прирастания» были весьма специфическими.

Поскольку после свержения монгольской власти силовой ресурс заметно сократился, а символический еще не сформировался, возникла потребность в расширении ресурсной базы за счет привлечения хозяйственного ресурса. Получить этот ресурс можно было только путем увеличения изъятий у населения, то есть концентрации в своих руках местного ресурса и повышения нагрузки на общество³⁰. В Европе подобная ситуация породила великие крестьянские войны. В России же реакцией на нее стали не «жакерии», а уникальное переселенческое движение. По существу, освоение новых земель было бегством подданных от власти и погоней власти за убежавшими подданными. Догоняя, власть присваивала наиболее ценные из обретенных ресурсов (мех, чай, серебро, железо, золото и т.д.), тем самым получая новые силы и новую возможность перераспределять.

Одновременно с погоней за подданными власть формирует и сакральный, символический ресурс, придающий смысл акту присвоения и распределения. Сами по себе перераспределение и захват (освоение) суть не более чем технические средства. Они необходимы, чтобы подчинить все общество единой ценности (трансценденции), земным модусом которой и выступает власть. Именно для этого и нужны распределяемые блага.

«Остров Русь», Москва, как убедительно продемонстрировал В.Цымбурский³¹, — это не просто третий (по счету) Рим, это мир, оставшийся *после* гибели мира, спасшийся. Подобная установка предопределяет двойственный (локально-глобальный) характер основанного на ней проекта. С одной стороны, Русь есть остров, а значит, *часть* мира. В силу этого проект оказывается локальным, соотносимым с территориальными монархиями Европы. С другой стороны, «остров Русь» — *единственная* часть мира. Весь остальной мир не просто «погряз в грехе» — он морок, кажимость³². Это делает проект глобальным, вселенским, соотносимым с империей. Из той же установки с неизбежностью вытекают сакральные задачи власти, главная цель которой — Спасение, противостояние Антихристу. Материальные же блага требуются для того, чтобы локальная хозяйственная деятельность и самостоятельность локальных сообществ не вводили в соблазн иного выбора, нежели тот, что предписан сакральной властью последнего Рима.

Такого рода блага обретают в глазах власти подлинный, связанный с сакральной целью смысл только в том случае, если обеспечивают

³⁰ *Андерсон 2007.*

³¹ *Цымбурский 1993.*

³² *Отсюда, кстати, и восприятие осваиваемых земель как «пустых».*

возможность привлечения *внешнего* ресурса, контроль над доступом к которому и позволяет жестко структурировать общество. Для подавления местной хозяйственной активности недостаточно чисто силового ресурса (хотя без ружей, сабель, офицеров на жаловании и т.д. тоже не обойтись) — необходим и «добавочный» хозяйственный ресурс, существенно превосходящий по объему или, по крайней мере, по значимости внутренний. Только тогда распределение поддерживает абсолютную власть. Ведь и сама абсолютная власть тоже «средство». Она выступает *посредником* между повседневностью и *высшей* реальностью. Не случайно определяющим для русских царей был не «управленческий» или «воинский», но сакральный статус³³.

³³ См. Скрынников 1975.

Именно потому, что власть сакральна, сакрализуется и ресурс, который она распределяет. Однако ресурс этот внутренне парадоксален. Как уже говорилось, получить его можно только извне. Ресурс, поставляемый изнутри, ведет к появлению самостоятельных хозяйствующих субъектов, способствует развитию принципиально посюсторонней, а значит — греховной деятельности. Но поскольку весь мир, кроме «острова Руси», морок, то внешний ресурс а priori греховен. Греховен даже сам латинский язык, на котором говорят и пишут «в мороке»³⁴. Для его «очищения» и возникает особое *медиаторное* пространство. Таким пространством становится карнавал.

³⁴ Успенский 2002.

О карнавальной природе русской культуры, начиная с Московского царства, писали уже немало³⁵, поэтому я не буду здесь подробно на этом останавливаться. В данном случае принципиален лишь один смысл карнавала — его неподлинность по отношению к настоящей, сакральной реальности. В неподлинный «защитный слой» и поступает «рыбий зуб», пушнина и т.д. В нем происходит обмен. И так как оболочка эта создана сакральным деятелем (властью), то ресурс, подобно упоминаемой Б.Успенским книге на латыни, очищается. Медиаторное пространство «маскирует» империю под государство среди государств, облегчает получение ресурса и решение главной — сакральной — задачи.

³⁵ См., напр. Бахтин 1986.

Для обретения и удержания ресурса российское «ядро» при Алексее Михайловиче, царевне Софье и Петре Великом создает европейскую «защитную оболочку». Карнавал институционализируется. Регулярная армия, чиновничество, государственная и контролируемая частная торговля, полугосударственная промышленность, а главное — уникальные сырьевые запасы и трансконтинентальные торговые пути обеспечивают условия, необходимые для сохранения онтологии-власти, обесмысливания любой посюсторонней активности, протекающей вне властного пространства.

Первоначально «защитная оболочка», как и в описанном выше случае стран мировой периферии, в минимальной степени затрагивала суть социальных отношений, способ наделять статусами и ценностную шкалу. «Образованная публика», «мыслящая часть нации», к которым апеллировали ведущие представители русской общественной

³⁶ *Примечательно, что эти люди выглядели комически и в Европе, на которую ориентировались («русский европеец» Карамзина).*

мысли, даже в конце XIX в. состояла из «лишних людей», выпадавших из общества³⁶. Само же общество было жестко структурировано властью. Табель о рангах и купеческие гильдии сверху, общинные старосты, приказчики и т.д. снизу детерминировали все легальные социальные проявления. Вместе с тем наличие огромной территории и персонифицированность власти создавали почву для возникновения дополнительной структуры, обозначаемой сегодня термином «неформальные отношения».

Поскольку ни принцип распределения ресурса, ни даже принцип обретения высшей власти (до принятия в 1797 г. закона о престолонаследии) не были кодифицированы, борьба за власть и ресурс переносилась в приватную и сакральную сферы. В сакральной сфере происходила легитимация высшей власти, полномочия которой могли быть *post factum* подтверждены и иным образом. Как показывает проведенный Б.Успенским анализ феномена самозванчества на Руси, самозванцы появлялись только в том случае, если возникало сомнение в подлинной (от Бога) избранности царя. Если царь был «от Бога», все остальные его черты не имели принципиального значения. Карнавальный Иван Грозный и «антихрист» Петр признавались подлинными царями, а вот, скажем, Борис Годунов воспринимался как «самозванный» (не от Бога)³⁷. О народной вере в «царские знаки» на теле вспоминают многие писатели и этнографы³⁸. Критерием подлинности, избранности в данном случае служили не какие-то формальные характеристики, а ощущение, переживание: правитель соответствует существующему балансу сил, высшей ценности. Дальнейшее распределение власти и, следовательно, статуса осуществлялось в неформальной (квазиприватной) сфере: пиры, охота, позднее различного рода игры и т.п.

³⁷ *Успенский 2002.*

³⁸ *Там же.*

Отношения общинности, разрушенные еще княжеской властью, заменялись отношениями «приятельства», выполнявшими ту же функцию: от «скажи мне, кто твой друг...» до названия официальной должности — «товарищ министра». Они создавали соразмерные личности микросоциальные группы взаимоподдержки. Не менее важную роль здесь играло и то обстоятельство, что, в отличие от самой власти, которая вследствие своей дистанцированности была закрыта для «фамильярных контактов», ее носитель вполне мог оказаться доступным для таковых³⁹. А так как в сакральной сфере пребывала не только власть, но и ее носитель, контакт с ним позволял контрагенту приобщиться к сакральности, высшему смыслу. В сфере «приятельства» складывалась система статусов, дающая право распределять. Оно же являлось индикатором степени причастности к сакральной сфере.

³⁹ *Бахтин 1975.*

Между тем само это «приятельство» было не совсем приватным. О.Малинова справедливо называет данную сферу приватно-публичной, подчеркивая ее двойственный характер⁴⁰. Возникнув как имитация, карнавальное действо, система «европейских» институтов постепенно трансформировалась в пространство, где закреплялись результаты неформального взаимодействия. Карнавальное пространство все активнее

⁴⁰ *Малинова 2007.*

прорастало в «ядро» общества, делая и его двухслойным. Весьма показательна в этом смысле двойственность именованного монарха (император, самодержец) в одних и тех же текстах, в том числе и официальных. Но прорастание карнавального (антисакрального) пространства вело к десакрализации общества, по крайней мере, его части — той самой «мыслящей части нации», которую называли «разночинцами». Примечательно и само название «разночинцы», то есть люди, живущие в мире формальных статусов, в карнавальном пространстве «защитного слоя», которое все больше становилось сущностным элементом культуры и общества. Такая десакрализация, помимо всего прочего, обесмысливала общество, превращая сакрального властителя в тирана. Не случайно на рубеже XIX—XX столетий начались напряженные поиски трансценденции, сакральности и основанной на них справедливости. И, по естественной логике, победила трансценденция, наиболее «оппозиционная» по отношению к господствующей, — трансценденция «объективных законов истории».

Отвергнув и Бога, и монгольского хана, большевики вместе с тем не отвергли сам принцип сакральности, дистанцированности власти от общества (равно как и принцип распределения). Их проект приобрел действительно вселенское измерение — ведь революция мыслилась именно как *мировая перспектива*. Будучи вполне сакральной, власть большевиков тоже получала легитимацию за пределами общества — в упомянутых выше «объективных законах истории». Соответственно, большевистское правительство и взяло на себя роль универсального медиатора между посюсторонним обществом и смысловой трансценденцией. Постепенно сформировался и «защитный слой». Вселенский проект замкнулся в рамках одной страны («Родины победившего социализма»). Существовая как государство среди государств, Советский Союз (Большая Россия) вынужден был обзавестись атрибутами суверенитета. Уже в 1920-е годы (точкой отсчета здесь, по-видимому, может служить Генуэзская конференция) «защитный слой» стал активно прорастать в толщу сакрального пространства общества. На границе «слоя» и укоренялся блат, который оказывался «сильнее Совнаркома»⁴¹. Неформальные отношения определяли реальный статус формально равных «первых секретарей» и «капитанов производств». Даже само назначение на должность (наделение статусом) основывалось на неформальных отношениях. Сырье и оружие выступало основой для распределения, а идеология давала возможность снизить общий уровень потребления.

Непосредственной причиной кризиса власти-онтологии в конце XX в. было исчерпание ресурса, связанное с падением цен на нефть. Но его глубинная причина заключалась прежде всего в разрушении вселенского (имперского) проекта, который задавал смысл обществу. Застой 1970-х — первой половины 1980-х годов касался отнюдь не экономики. Как раз здесь, как показывают исследования экономистов, все было более или менее в порядке. Производительность труда медленно, но повышалась. Даже в самые «застойные годы» рост ВВП оставался в

⁴¹ Леденева 1999.

⁴² *Дебаты 2007.* пределах 4%, что по мировым меркам вполне прилично⁴². Кризис носил в первую очередь смысловой характер. Государство (пусть в форме сверхдержавы) победило империю — проект Мировой революции. С крахом этого проекта «Родина победившей революции» превратилась не более чем в одно из агрессивных государств, захвативших значительную территорию. Само существование сверхдержавы потеряло смысл. Отсюда — стремление найти новый источник легитимации, столь же внешний, как и «объективные законы истории».

Новым вариантом внешней легитимации власти стала власть от «мирового сообщества», современный вариант власти от Бога или от монгольского хана. Однако на этот раз на характеристики трансценденции накладывались достаточно жесткие ограничения. Трансценденции предстояло легитимировать уже сложившиеся властные практики. Здесь-то и возникло фундаментальное противоречие. Для того чтобы быть самовластной, непогрешимой, дистанцированной от общества, власть должна была быть... демократической. Разрешить это противоречие можно было только путем «приручения» демократической процедуры, что позволило бы соотнести ее с традиционным набором властных практик, приспособить к традициям дистанцированной от общества власти.

⁴³ *Печерская 2001.* В 1990-е годы демократия обрела сакральный статус. Вместе с тем сакральность эта была весьма своеобразной. Она базировалась не на идее «народного суверенитета» и даже не на идее «построения града Божьего на Земле», но на традиционном идейном комплексе Высшей справедливости⁴³. Соответственно, сакрализована была не столько сама демократия, сколько набор формальных электоральных процедур и «имена» институтов.

Но даже получив легитимацию от «мирового сообщества», власть не получила искомого ресурса. Советский трофей быстро закончился, а больше распределять оказалось нечего. Неформальные отношения (статусное распределение в квазиприватном пространстве) многократно ускорили этот процесс. Результатом стало формирование локальных территориальных объединений, где власть (губернаторов) обладала всеми тремя составляющими Русской Власти: абсолютностью, дистанцированностью и возможностью распределять. Региональная мифология, стремительно возникшая в 1990-е годы, в гораздо большей степени соотносилась с идеями Высшей справедливости, нежели растерянная федеральная власть. Политический каркас государства начал явственно трещать.

Перед властью, желавшей сохранить себя и общество, основанное на властной онтологии, стояли две неотложные задачи: ей необходимо было «приручить» демократию и обрести ресурс, подлежащий распределению. Иными словами, ей нужно было создать «защитный слой» вокруг «ядра». Особенность этого нового «защитного слоя» заключалась в том, что создавался он для защиты не от мора или «враждебного окружения», а от источника легитимации.

⁴⁴ Подробнее см. Бляхер 2003.

Способом «приручения» демократии и обретения ресурса стала «презумпция виновности»⁴⁴. Образование законодательного переизбытка, когда один и тот же социальный акт регулировался сразу несколькими, нередко противоречившими друг другу законодательными нормами, лишило экономических и социальных агентов возможности действовать в рамках закона. Практически каждому из них приходилось совершать действия, попадавшие под санкцию. Санкция следовала не всегда (в противном случае экономическая жизнь в России полностью бы угасла) — ее применение / неприменение зависело от того, насколько «правильно» ведет себя гражданин или организация в ситуации политического взаимодействия, прежде всего в ситуации выборов.

Возможность уличить любого социального и экономического агента в нарушении закона и внутреннее согласие граждан с тем, что для применения по отношению к ним санкций есть основания, обеспечили власти «правильное» (то есть устраивающее ее) поведение электората. Но далеко не только его. «Презумпция виновности» медленно, но верно превращала хозяйствующих субъектов в государственных агентов, являющихся источником дополнительного (распределяемого данным властным лицом) ресурса. Независимые субъекты, возникшие на волне спекуляций 1990-х годов, вытеснялись как криминальные. Новая экономика России не породила новой политики, поскольку изначально базировалась главным образом на распределяемом ресурсе (советском трофее). Тем, кто пытался об этом забыть, напомнили с помощью «басманного правосудия». Изменение принципа распределения налогов между муниципальной, губернской и федеральной властью подготовило почву для воссоздания статусно-распределительной структуры, а с нею — и властного каркаса. Отмена выборности губернаторов, восстановление информационного контроля над обществом завершили этот процесс. Регионы превратились в «дотационные», и их выживание стало прямо зависеть от «трансфертов». Региональная мифология была вытеснена на периферию политических смыслов «единым информационным пространством». Взлет цен на энергоносители сделал внешний ресурс принципиально большим (и более доступным), нежели тот, что давало «внутреннее производство». Казалось бы, власть-онтология восстановлена.

Однако в ходе построения властного каркаса оказалась частично утрачена трансцендентная (внешняя) легитимация. Кроме вполне понятных экономических (а значит, не основных) противоречий между Россией и «мировым сообществом», существовало и ключевое, политическое. Это — противоречие между заявленным стремлением России войти в «цивилизованный мир» и невозможностью под угрозой утраты абсолютности власти принять суть демократических практик. Попытки «мирового сообщества» помочь, научить «молодую демократию», что в целом отвечало сложившимся практикам по отношению к большинству «новых» демократий, вызывало мгновенную и болезненную реакцию.

В какой-то мере такая реакция была связана с тем обстоятельством, что ресурс, который могло предложить «мировое сообщество», существенно уступал по объему нефтегазовому, а советы «цивилизованного мира» затрудняли использование последнего. Но главное, «поучения» высказывались публично, что ставило под сомнение истинность власти. Ведь только власть может и должна быть *посредником* между трансценденцией и обществом. Наличие иных посредников лишает ее сакральности, а тем самым — смысла. Поэтому за публичными «поучениями» следовали столь же публичные ответные действия, воспринимавшиеся противоположной стороной как немотивированные, неадекватные. Эквифинальность, сложившаяся в начале 1990-х годов и укрепленная антитеррористической риторикой, была нарушена, причем каждая сторона считала, что нарушена она по инициативе другой. «Защитный слой» становился все менее необходимым для «ядра» и в силу этого истончался. Соответственно, нарастала потребность в иной «внешней легитимации», не связанной с «мировым сообществом», которое «предало Россию». Пожалуй, впервые за все историю государства «самозванным» оказался не царь, а трансценденция.

Нарушенная легитимность отчасти была восстановлена за счет харизматической легитимности лидера и... отсылки к идейному блоку, более всего напоминающему классическую *народность* образца начала XIX или середины XX в., которая, в свою очередь, сама была отсылкой к идейному комплексу третьего Рима. Архаизация риторики позволила перейти к иному типу практик и иному источнику легитимации.

Легитимация через «самозваную» («предавшую») трансценденцию была невозможна. Значит, требовалась другая трансценденция. Ввиду отсутствия иных кандидатов в этой роли выступила *история*, но не в виде «объективных законов», а в форме ностальгического образа Советского Союза, наследника Великой России. Конфликтность традиций при этом игнорировалась. В рамках новой мифологии «Возрожденной России» российская история представляла единой линией величия. Традиция сакрализовалась и трансцендировалась от повседневности.

Возможность утверждения ностальгической трансценденции была обусловлена как поверхностностью «критики советского режима» в 1990-е годы, так и неотрефлексированностью разрыва с прошлым (революции)⁴⁵. Радикальный социальный скачок, смена всей смысловой структуры общества произошли, но ни оценены, ни осмыслены не были. Посткатастрофические 90-е создали психологическое основание для поэтизации 70-х. В странах «народной демократии», где революционность события осознавалась, тяжелые последствия распада, снижение уровня жизни сглаживались революционным воодушевлением масс, существенно облегчавшим их переживание. В России же, где современность мыслилась как продолжение Советского Союза, они накладываются на комплекс поражения и национального унижения.

Но народность в ее советско-ностальгическом варианте предполагает в качестве существенного элемента «всенародное одобрение»,

⁴⁵ Бляхер 2006.

которое тоже приобретает сакральный характер. Такое одобрение и конструировалось в ходе электорального цикла 2007—2008 гг. Избыточность искусственно организуемой электоральной поддержки, бросающаяся в глаза уже на думских выборах 2007 г., на президентских стала совершенно явственной. Спущенные сверху «нормативы» никак не соотносились с «технически» необходимыми процентами. Доходившая до абсурда «гонка процентов» прокатилась по стране. Довод, что тем самым страна поднимает свой авторитет «на Западе», не только не выдерживает никакой критики по существу, но и содержит в себе отсылку к уже отброшенному источнику легитимности. Между тем сверхвысокие проценты (до 99% и даже выше) отвечают как раз новой, ностальгической трансценденции, в которой «народ и партия едины», и именно в этом и заключается их смысл. В рамках ностальгической традиции «народа-легитиматора» всякое несогласие с всенародно избранным парламентом или президентом есть несогласие с самим народом. Соответственно, власть оказывается в своем привычном положении — в трансценденции по отношению к обществу. Всенародно избранные парламент и президент в любой ситуации остаются «истинными», а их критики и противники — «самозваными».

Однако здесь возникает довольно серьезное отличие и от двухслойной модели, сложившейся в странах мировой периферии, и от сакральной Русской Власти. Распределительно-властные отношения все в меньшей степени охватывают общество. Слой распределителей замыкается. Кроме того, что, возможно, еще важнее, «ностальгическая трансценденция» не вполне отвечает представлениям о сакральной сфере. Россия, русское государство традиционно выступали в качестве символа и воплощения высшего смысла (не так важно — какого). В ностальгическом варианте Россия оказывается символом... Советского Союза или, в лучшем случае, «России, которую мы потеряли», то есть символом *утраченных высших ценностей*. Ответом на это становится уход населения страны в частную жизнь (уже действительно частную, а не квазиприватную). До тех пор, пока внешний ресурс остается значительным, а распределение, при всей его неэквивалентности, позволяет населению существовать, между властью и не-властью сохраняется неустойчивое равновесие. Но достаточно даже небольшого ухудшения условий жизни, чтобы это равновесие рухнуло и легитимность власти вновь «повисла в воздухе». Какие события за этим последуют, сказать сложно. В любом случае это будет уже совсем-совсем иное общество.

Библиография

- Андерсон П. 2007. *Переход от античности к феодализму*. — М.
Ахиезер А.С. 1991. *Россия: критика исторического опыта*. Т. 1. — М.
Бахтин М.М. 1975. *Слово в романе*. — М.
Бахтин М.М. 1986. *Эстетика словесного творчества*. — М.

- Бляхер** Л.Е. 2003. Властные игры в кризисном социуме: преобразование российской институциональной структуры // *Полис*. № 1.
- Бляхер** Л.Е. 2006. Бремя рефлексии, или Революция, которой не было // *Полис*. № 5.
- Бродель** Ф. 2002. *Средиземное море и средиземноморский мир в эпоху Филиппа II*. — М.
- Волгин** В.П. (ред.). *Хрестоматия по социально-экономической истории Европы в новое и новейшее время*. 1950. — М.
- Волков** В.В. 2005. *Силовое предпринимательство: экономико-социологический анализ*. — М.
- Гуревич** А.Я. 1972. *Категории средневековой культуры*. — М.
- Дебаты** о политике и культуре. 2007 // *Неприкосновенный запас*. № 2 (52).
- Ильин** М.В. 1993. Ритмы и масштабы перемен (О понятиях «процесс», «изменение» и «развитие» в политологии) // *Полис*. № 2.
- Каспэ** С.И. 2007. *Центры и иерархии: пространственные метафоры власти и политическая форма Запада*. — М.
- Ковалев** Е.М., Штейнберг И.Ф. 1999. *Качественные методы в полевых социологических исследованиях*. — М.
- Леденева** А.В. 1999. Теневой бартер: повседневность малого бизнеса // Шанин Т. (ред.) *Неформальная экономика. Россия и мир*. — М.
- Малинова** О.Ю. 2007. Идеологический плюрализм и трансформация публичной сферы в постсоветской России // *Полис*. № 1.
- Меркель** В., Круассан А. 2002. Формальные и неформальные институты в дефектных демократиях // *Полис*. № 1—2.
- Олсон** М. 1995. *Логика коллективных действий: Общественные блага и теория групп*. — М.
- Пастухов** В.Б. 1994. От государственности к государству: Европа и Россия // *Полис*. № 2.
- Печерская** Н.В. 2001. Метаморфозы справедливости: историко-этимологический анализ понятия справедливости в русской культуре // *Полис*. № 2.
- Пивоваров** Ю.С. 2002. Русская политическая культура и Political Culture // *Pro et contra*. Т. 7. № 3.
- Пивоваров** Ю.С., Фурсов А.И. 2001. «Русская Система» как попытка понимания русской истории // *Полис*. № 4.
- Поланьи** К. 2002. *Великая трансформация: политические и экономические истоки нашего времени*. — СПб.
- Скрынников** Р.Г. 1975. *Иван Грозный*. — М.
- Успенский** Б.А. 2002. *Этюды о русской культуре*. — СПб.
- Фуко** М. 1999. *Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы*. — М.
- Цымбурский** В.Л. 1993. Остров Россия (Перспективы российской геополитики) // *Полис*. № 5.